

Ле-Крёзо / очерк

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Ле-Крёзо / очерк ЛЕ-КРЁЗО

Небо синее, совершенно синее, залитое солнцем. Поезд только что проехал Моншанен. Вдали перед нами поднимается сплошное черное облако, которое точно выползает из-под земли и затемняет ясную дневную лазурь, – тяжелое, неподвижное облака. Это дым Ле-Крёзо. Мы приближаемся и видим город отчетливее. Множество гигантских труб извергает змеящиеся струи дыма; другие трубы, менее высокие, пыхтя, выплевывают клубы пара; все это смешивается, стелется, плавает в воздухе, окутывает город, наполняет улицы, скрывает небо, гасит солнце. Здесь почти темно. Угольная пыль проникает всюду, щиплет глаза, чернит кожу, пачкает белье. Дома черны, как будто вымазаны сажей, мостовые черны, оконные стекла запорошены угольной пылью. В воздухе носится запах дыма, смолы, каменного угля, от него саднит горло, стесняет грудь; в терпком смраде железа, кузницы, раскаленного металла, пылающего горна иной раз так спирает дыхание, что вы невольно поднимаете глаза в поисках ясного неба, вам хочется глотнуть чистого, вольного, здорового воздуха, а над вами нависла густая и темная туча, а вокруг летают мелкие осколки каменного угля, от которых рябит в глазах.

Это Ле-Крёзо.

Глухой несмолкаемый шум сотрясает землю, шум, слившийся из тысячи шумов и прерываемый время от времени громовым ударом, толчком, от которого содрогается весь город.

Войдем на завод господ Шнейдер.

Какая волшебная картина! Это царство Железа, где властвует его величество Огонь!

Огонь! Он везде. Насколько может охватить взор, выстроились в ряд огромные здания, высокие, как горы; они доверху уставлены машинами; здесь что-то вертится, опускается, поднимается, пыхтит, свистит, стонет, скрипит. И всеми машинами движет

огонь.

Здесь – пылающий уголь, там – фонтаны пламени; дальше железные раскаленные глыбы, которые движутся, катятся, выходят из печи, попадают в прокатные станы, вновь выходят оттуда, сотни раз возвращаются обратно, меняя форму, все так же раскаленные докрасна. Прожорливые машины поглощают этот огонь, это пылающее железо, дробят его, режут, пилят, сплющивают, вытягивают в проволоку, скручивают, делают из него локомотивы, пароходы, пушки, тысячу разнообразных вещей, тонких, как чеканка художника, чудовищных, как создания великанов, вещей сложных, хрупких, грубых, массивных.

Постараемся увидеть и понять.

Мы входим направо в обширный цех, где стоят четыре громадных машины. Они работают медленно, двигая своими колесами, поршнями, рычагами. Что же они делают? Они заняты не чем иным, как подачей воздуха в плавильные печи, где кипит расплавленный металл. Это – чудовищные легкие исполинских реторт, которые мы сейчас увидим. Они дышат – и только; они поддерживают жизнь и пищеварение чудовищ.

А вот и реторты. Их две, на двух противоположных концах цеха; массивные, как башни, пузатые, ревущие, они выплевывают такую струю огня, что на расстоянии ста метров глаза ослеплены, кожа горит, и вы дышите, как в жарко натопленной бане.

Это похоже на неистовый вулкан. Из жерла реторты вырывается белый огонь, невыносимый для зрения, и бьет с такой силой, с таким шумом, что трудно себе представить.

Здесь кипит бессемеровская сталь, из которой делают рельсы. Красивый, молодой, сильный, серьезный человек в большой черной фетровой шляпе внимательно следит за этим ужасным дыханием. Он сидит перед колесом, похожим на рулевое колесо парохода, и по временам, подобно лоцману, поворачивает его. Гнев реторты еще больше распаляется, и она извергает ураган пламени; это значит, что главный плавильщик усилил пронизывающий ее чудовищный сквозняк.

И, подобно капитану корабля, человек этот беспрестанно подносит к глазам бинокль, чтобы рассмотреть цвет огня. Он подает знак, подкатывается вагонетка и вливает в ревущее

раскаленное жерло другие металлы. Плавильщик опять проверяет оттенки бушующего пламени, ища нужных показателей, и, внезапно повернув другое, совсем маленькое, колесо, накреняет гигантский ковш. Тот медленно поворачивается, выбрасывая до самой крыши цеха ужасающий сноп искр, и осторожно, как слон, старающийся быть грациозным, льет несколько капель пылающей жидкости в подставленную отливочную форму, после чего с ревом выпрямляется.

Другой человек увозит вылившийся из ковша огонь. Теперь это только красный слиток, который кладут под молот, приводимый в движение паром. Молот ударяет, сплющивает, превращает раскаленный металл в тонкий лист, который тотчас лее охлаждают в воде. Щипцы подхватывают его, ломают, мастер внимательно проверяет зернистость металла и дает приказание:

– Лейте!

Ковш сейчас же наклоняется снова и, как слуга, наполняющий на столе стаканы, разливает по расставленным вокруг него формам пылающую струю стали, кипящую в его недрах.

Ковш перемещается просто, как бы сам собою, словно он одушевленное существо. Ведь чтобы привести в движение эти фантастические механизмы, чтобы заставить их выполнять нужную работу, – перемещаться туда и обратно, падать, подниматься, поворачиваться вбок, возвращаться, – достаточно дотронуться до рычагов толщиною с тросточку и нажать на кнопки, вроде тех, что бывают у электрических звонков. Здесь точно витает какая-то сверхъестественная сила, какой-то дух, управляющий тяжеловесными и плавными движениями этих изумительных аппаратов.

Мы выходим с распаренными лицами, с покрасневшими глазами.

Вот две кирпичные башни на открытом воздухе, – они слишком велики, чтобы поместиться под крышей. От них пышет невыносимым жаром. Человек, вооруженный железным ломом, ударяет по подножию башен, откалывает сначала нечто вроде штукатурки, ломает глубже, и вскоре появляется свет, огненная точка. Еще два удара, и целый ручей, целый поток огня вырывается наружу, струится по прорытым в земле каналам, течет, бежит без конца. Это чугун, расплавленный чугун в неочищенном виде. Можно

задохнуться, стоя у этой страшной реки; мы убегаем, входим в высокое здание, где строят локомотивы и большие машины для военных судов.

Здесь вы уже ничего не различаете, ничего не понимаете, теряете голову. Лабиринт станков, маховиков, ремней, зубчатых колес, и все это в движении. На каждом шагу – чудовище, работающее над докрасна раскаленным или темным железом. Здесь – пилы, перерезающие пласты толщиной в человеческое тело; там – остря, что вонзаются в расплавленные глыбы и проходят их насквозь, как игла, прошивающая сукно; еще дальше – другое приспособление режет стальные листы, как ножницы лист бумаги. Все это работает одновременно, хоть и движется вразнобой – сказочное скопище злых и рычащих животных. И все время пылает огонь, огонь под молотами, огонь в печах, огонь повсюду, повсюду огонь. И постоянно все тот же оглушительный и равномерный удар, перекрывающий шум колес, котлов, наковален и всякого рода механизмов, сотрясает землю. Это бьет большой паровой молот Ле-Крёзо.

Он помещается в конце громадного здания, в котором находится еще десять или двенадцать молотов. Все они ударяют поминутно по раскаленной добела глыбе, которая брызжет целым дождем искр и мало-помалу сплющивается, сжимается, принимает, в зависимости от желания человека, изогнутую, вытянутую или плоскую форму.

Он же, самый большой, весит сто тысяч кило и обрушивается, как гора, на глыбу красной стали, еще более огромную, чем он сам. С каждым ударом ураган огня вырывается со всех сторон, и видно, как уменьшаются размеры массы, над которой работает чудовище.

Он поднимается и опускается беспрестанно; управляет им изящно и легко человек, осторожно нажимающий на хрупкий рычаг, и невольно вспоминаешь тех чудовищных зверей, которых некогда укрощали дети, как повествуется в сказках.

Мы входим в цех прокатных станов. Это еще более необычайное зрелище. Красные змеи ползут по полу, одни – тонкие, как веревки, а другие – толстые, как канаты. Одни, вот здесь, похожи на земляных червей непомерной длины, другие, вон там, –

на ужасающих удавов. Здесь изготавливается проволока, там – рельсы для железных дорог.

Люди с металлической сеткой на лице, в кожаных перчатках и высоких сапогах, то и дело бросают в пасть машины кусок раскаленного железа. Машина хватает его, тянет, вытягивает, еще тянет, бросает, хватает вновь, делает все тоньше и тоньше. Железо извивается, как раненая змея, словно борется, но в конце концов уступает и все растягивается и растягивается, а стальная челюсть все время то выбрасывает его, то хватает.

Вот рельсы. Не имея сил сопротивляться, четырехугольная плотная масса бессемеровской стали, раскаленная докрасна, вытягивается под действием машин и за несколько секунд превращается в рельс. Гигантская пила обрезает его до нужного размера, а вслед идут другие, и так без конца – и ничто не останавливает, не замедляет этой чудовищной работы.

Мы выходим наконец на улицу черные, как кочегары, измученные, ослепленные. И над нашими головами висит густое облако угля и дыма, поднимающееся до самых небес.

О, только бы увидеть немного цветов, поляну, ручей и траву, где можно прилечь, не думая ни о чем, не слыша ничего вокруг, кроме журчания воды или далекого пения петуха!

* * *

Очерк напечатан в «Жиль Блас» 28 августа 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Н.Соколовой. Neкаýalar